

В своём поэтическом видении мира Марина Кудимова, пристально вглядываясь в окружающую действительность, легко проникает сквозь её наружный слой, созерцая внутренние движения и явления пространства, находящегося между сфер. Перед её мыслительными процессами раскрывается едва уловимый для слуха и зрения мир, который она, сосредоточенно и бережно запечатлев, показывает тем, кто готов следовать вместе с ней и за ней. Свойственная её восприятию поэтическая идейная метафоричность служит ей для передачи увиденного и услышанного всем нам и никак не является способом усовершенствования личного внутреннего согласия. Физические и духовные тонкости выхвачены, выстраданы, обозначены и узнаваемы, именно так и рождён индивидуальный поэтический мир автора.

ГОСПОДИ, ТЕБЕ ВИДНЕЙ...

* * *

Господи, Тебе видней
Из предвечного предела,
Но не надо двух огней,
Чтобы тьму я углядела.

И смертей не надо двух, —
Соглашаюсь на однажды.
Либо голос, либо слух,
Либо голод, либо жажда.

* * *

Разверзается зимний Никола,
До верхушек снегами достав,
И баржу мою гонит с прикола,
И ломает она ледостав.

Я судьбы пробегаю аллею.
Я почти ничего не боюсь.
Я ни капли тебя не жалею
И с душой твоей не расстаюсь.

Ты собою края зашиваешь
Предназначенной мне польницы.
Ты впоспех мою жизнь проживаешь,
Превосходишь страданья мои.

Я такой не отвергну заступы!
И пока меня клонит ко сну,
У любви нашей режутся зубы
И твою разрывают десну.

* * *

От ячества,
от рвачества
помилуй и спаси!
А жизнь всё поворачивается
Вокруг своей оси.
В ногах её валяюсь —
Я хаоса боюсь.
И заново дроблюсь,
И снова исцеляюсь,
И целой становлюсь.

* * *

Было время — только в Слове
Мир проверил свой почин
На сбываемость условий,
На несбыточность причин.

И тогда судили небо
И возможности его
Не за «пере», не за «недо»,
А за всё — иль ничего.

Но с тех пор, как душегубке
Души сдаены внаём,
Самовольные поступки
Мы историей зовём.

Иждивенцами, как слизи,
Мы к стволу прикреплены
И несвойственную жизнью
До смерти утомлены.

* * *

Кленовый засвети шандал
И в бездну без перил и сходен
Ты, двоечник и камчадал,
Сойди учить урок Господень.
 Незрим в невидимой руце,
 Язык придавливает шпатель.
 Здесь трудится в одном лице
 Отец и родовспомогатель.

То схватки дальняя волна,
А то конвульсия потуги.
Ломает зубья борона,
И лемех тупится на плуге.
 На миллиметр, на сантиметр
 Выходит дерево из грязи.
 Глазка ромашкового фетр
 Открылся – и Гомер оглазел.
Опятами покрылись пни –
И скрипку изогнул Амати.
Природа, о себе не мни:
Родильница – ещё не мать.

* * *

Хотя бы и есть полунощные страны,
Где чёрное небо – дыра на дыре,
Где льды громоздятся, как будто стаканы
В большой судомойке на чёрном дворе, –
Всё ж, надо признать: всякой твари – по паре,
И всяк извлекаем, как он ни ужмись,
И что не в термитнике и не в опаре –
В миру происходит непарная жизнь.
Ведь в ритме её абсолютных симметрий,
Где всякая плоть до себя доросла,
Пожалуй, нет мест одной только смерти,
А в общем и целом – удачный расклад.
И я – со своей колокольни и крыши,
С начатками истин в могучем мозгу
Казнюсь, поелику: зачем недослышу
И косноязычья не превозмогу!
И мир костюмирован мной и напудрен,
Но необоримое в нём естество:
Ведь он сотворён, посему целомудрен,
Иначе бы я разлюбила его!

* * *

Чтоб ни в чём не возникло убытка
И земля не поверглась вверх дном,
Продолжается вечная сквитка
Двух начал в пересчёте одном:
Непорочной природы святыни,
Воплощённой без помощи рук,
И жестокого девства гордыни,
В наказанье лишённого мук.

* * *

За подмогу, скажете,
Дорого дала б я?
Переноска тяжестей –
Это дело бабье.
Ничего, – помолишься,
Оземь лбом побьёшься.
Не переневолишься
И не надорвёшься.

* * *

Оперенье, нарощенье
На заплечии...
Исполать, отягощенья
Человечии!
Возрастают до вершины
От изножия.
Женщины мои, мужчины –
Люди Божии!
Обнимать без отторженья –
Служба истая.
Это – жар самосожженья,
Это – чистое.
А душа взойдёт из праха –
Куда денется, –
Белошвея, тонкопряха,
Рукодельница.

* * *

Вкруг рта усугубляют алость
Закушенные удила.
Душа смиренная осталась,
Душа смятенная ушла.
Сперва поблизости бродила,
А после подалась блуждать
И всех на грех опередила,
Чтоб никого не осуждать.

* * *

Отлучён ты не клиром безгласным –
Сам гонитель твой кем-то гоним.
Предан ты, но не миром безвластным,
А законным Иудой одним.

Ванька-Каин и попросту Каин
Нас вгоняют в сомненья порой
Тем, что первый из них не раскаян
И пока не оправдан второй.

Но никто ничего не решает
В том, чем заняты мысли твои,
И никто никому не мешает
Исполнять порученье любви.

* * *

Грех – это мера одиночества.
Нет праведничества на всех.
Рискнувшему на иноходчество
Во вспомоществованье – грех.
Что устоявшему в прощении!
А падшего суди молва...
Благодарю за попущение –
Его заботами жива.

* * *

Когда, истощены виною,
Мы пошатнёмся на стезе,
Несовершенное дурное
Нас подпитает, как НЗ.

Был некто. Он людей извечно
Не понимал и не любил,
Но не теснил движеньем встречным
И дальним светом не слепил.

УМИЛЕНИЕ

Иванова и Петрова
Не желая умалить,
Что там ласки, что там крова –
Мысли не с кем разделить!

До чего неумолимый
В черноте чела и век,
До чего неумилимый
Одержимый человек!

Господи! Живём как можем...
Что нам мнится-кажется?
Человек вот был хорошим –
И сидит, куражится.

Грозный дождь довлеет рекам,
Небесам – сияние.
Двум довлеет человекам
Противостояние.

Не помогут здесь ни числа,
Ни рецепты чёрствыые:
Тот давно уже смягчился,
А другой – упорствует.

Примирение – и снова
Одоление.
А вначале было Слово
Умиления.

ДОПУСК

Как при квартирном обыске,
Соря и мельтеша,
На допуске, на допуске
Работает душа.

О праведности-святости
И мыслить не моги!
Да ей бы к вящей радости
В срок выплатить долги.

Стращать её Валгаллоу
От имени небес?
Да ей уступка малая
За чудо из чудес!

Манерочка, баклажечка
На донышке бренчит,
Уступочка, поблажечка
Уж так ли облегчит!

Советуют унизиться,
Порядок уважать.
А ей бы не капризиться,
Не мстить, не обижать.

По-рабски, по-холопски,
Таясь и лебезя,
На допуске, на допуске -
Меж «можно» и «нельзя».

Кому иным – каления
С красна и добела,
Ей – грош благоволения:
Глядишь – опять цела!

Драконовски, эзоповски
И трепетно вельми...
На допуске, на допуске –
Меж Богом и людьми.

* * *

Грех замолен –
Зуб удалён.
Нежный провал
Кровью солён.
Без вариантов:
я – раб, я – червь.
Все лучше меня.
Но начиналась царёва верфь
С выкорчеванного пня.